

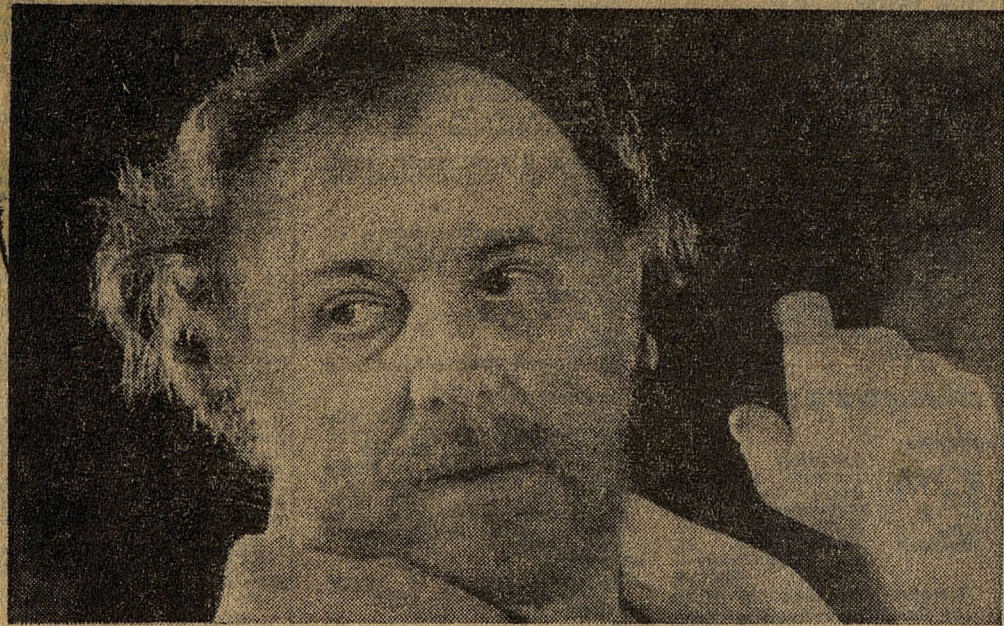
Красное Знамя
и Владивосток

«Красное знамя»

Суббота, 11 июля 1981 года

...БЕСЕДУЕТ

«...ЖИВУ СВОИМИ ГЕРОЯМИ»

...В ЭТОМ спектакле Иванов не живет — мучительно существует, оставаясь связанным с жизнью единственной ниточкой — желанием понять, что же произошло с ним. Ни с одной житейской точки зрения невозможно объяснить природу этого страдания, а объяснить пытаются. Заглазно и в глаза ему бросают в лицо: «Подлец!», его уговаривают забыть «меланхолию», а Иванова все яростнее точит этот невидимый, неуловимый червь. Чем же надорвана эта душа? Когда страдание о людях заменилось страданием о себе, мукой, которую «честный» доктор Львов торопится назвать подлостью? Из привычного круга Иванов выпал задолго до того, как прозвучал глухой, никем не замеченный выстрел, и человек этот неловко упал где-то на задворках дома, который как бы повернут к нам и внешней, и внутренней стороной своей...

На аплодисменты выйдет Смоктуновский, но еще не совсем он: это еще Иванов, и в зал актер вглядывается с отсветом пережитой муки, и цветы в его руках — какие-то лишние. Похоже, что в «Иванове» каждый вечер повторяется одно и то же: актер входит в образ и разгадывает загадку своего героя, но каждый раз — чуть по-другому, и, возможно, никогда не доходя до конца. Но тем интереснее следить за этой постоянной, тонкой работой мысли, зависящей от множества обстоятельств, причудливо выстраивающей цепь ассоциаций: роль переходит в жизнь.

Может быть, это и есть созвучное времени и в то же время глубоко личное толкование великого мхатовского постулата об актере и предлагаемых обстоятельствах?..

Инноцентий Смоктуновский впервые очутился на спектаклях МХАТа в 1949 году. Тогда его из Норильска послали учиться на режиссерские курсы, и руководство курсов решило, что прежде всего надо дать их слушателям возможность побывать в Художественном театре. «Глубокая разведка», «Плоды просвещения», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Мертвые души»... В этих спектаклях, оставшихся в памяти артиста навсегда, ощущалось могучее дыхание того МХАТа, который был создан К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, великого реалистического театра.

— Я, отревшившись от всего, смотрел на сцену и понимал, что хотели выразить те актеры-мастера. Я был готов воспринимать это, чувствую: это — мое, это близко мне...

Сейчас он ведущий актер МХАТа, делит с ним жизнь. — В эти же дни он очень переживает по поводу парадоксов гастрольных будней во Владивостоке:

— Страшусь, как бы от всех этих забот не пострадало главное дело, мой «Иванов», ради которого я ехал сюда. Для меня необычайно важно, как проживу день перед спектаклем, долго настраиваюсь — такова моя актерская натура. Всегда и везде, на заводах и в колхозах с радостью встречаюсь с людьми, люблю говорить с ними. Эти встречи необходимы, и важно для актера видеть, знать, что ты любим, нужен, понят. Но есть театр. Есть моя роль, мой спектакль — это главное. Здесь рождается истинное мнение зрителя об актере. Я хочу оправдывать ожидания...

По нынешним временам, когда критики уподобляют талант шагреновой коже, это высокая актерская доблесть — умение дорожить главным делом, не травмировать себя. А если понимать ответственность так, как понимает Иннокентий Михайлович Смоктуновский, то жизнь актера стократ усложняется:

— Хочется, чтобы, увидев моего Иванова, зритель так глубоко его понял, так проникся атмосферой спектакля, что образ этот слился бы в его сознании с Ивановым драматургическим, чеховским. И, увидев другого Иванова, зритель, пусть даже бы и забыв лично меня, Смоктуновского, не расставался с Ивановым моим, о котором я так много знаю, которого пытался играть как можно более тонко, да просто жил им! Хочу жить жизнью своих героев. Я жил Гамлетом и носил во время съемок в медальоне на шее портрет своего отца, и это помогало мне. Жил Деточкинским, Мышкиным...

В такой момент слияния со своим героем забываешь обо всем, о кинокамере, о зале. Есть, конечно, самоконтроль, но он глубоко внутри, а все собрано, сконцентрировано вокруг главного. И вдруг — словно опомнишься, и сцена-то уже проходит, прошла, и слышишь: зал вздохнул, зашелестел, — значит, и там был

этот миг всепонимания, всепроникновения, драгоценный миг!

— Вы ощутили это в зале нашего театра?

— Да, здесь очень внимательные, прекрасно слушающие зрители. Я подумывал, что во Владивостоке голод на развлечения, но тут, скорее, вопрос иного рода: это желание впитывать духовное, эстетическое.

Мы с трепетом наблюдаем, как разлетается над нашей сценой занавес со знаменитой мхатовской чайкой. Нам памятливы давние гастрольные этого театра. И тот МХАТ, как фоллиант с золотым тиснением на обложке, навечно в библиотеке нашей памяти среди самых дорогих и читаемых книг. Но сегодня к нам приехал сегодняшний МХАТ, театр, в котором появление в его составе актера такой природы, как Иннокентий Смоктуновский, уже может сказать многое: театр в движении, в движении к постижению современной жизни так, как это было во времена Чехова и Горького.

И я не мог не спросить Иннокентия Михайловича о том, как он видит это движение.

— Видоизменение — это общий закон, для театра ли, для всей ли жизни. Все, что остановилось, — умирает. Самое значительное, самое прекрасное не должно быть остановлено и не может быть навсегда зафиксировано — и прежде всего в таком живом деле, как театр. Сейчас МХАТом руководит Олег Николаевич Ефремов, человек удивительного таланта, огромных творческих возможностей. Под его руководством родился мощный всплеск художественной и общественной энергии — театр «Современник». И я верю в то, что и во МХАТе он совершит — и совершает — подобное, но уже не как всплеск, а как протяженность жизни. И это видится естественным продолжением дела великих учителей — Станиславского и Немировича-Данченко.

Слушая Смоктуновского, я подумал: не случайно вокруг О. Н. Ефремова формируются единомышленники, не случайно появляется и сам Смоктуновский, который вошел со своим современным героем, со своей темой в искусство, которую в наиболее общем виде можно охарактеризовать как постижение доброго начала в человеке.

Тема эта родилась в актере естественно, закономерно, судя по страницам биографии, да и сам Смоктуновский с особым каким-то чувством говорит об этом:

— Матушка моя, Анна Акимовна, была необыкновенно добра...

Была ли жизнь добра к нему? Скорее, напротив, испытывала, не горюшила щедриться. И по отношению лично к нему, и ко всему поколению. Он был акушером, принимал нарождавшуюся жизнь, нарождавшуюся в муках и радости, он был на войне, где видел смерть и героизм людей. И рискну предположить, что именно этой биографии он обязан тонкой, чуткой настройкой «актерской аппаратуры» — сердца, души, глаз, нервов, а значит, должен быть благодарен жизни. Отсюда — и оброненная вскользь, но важная фраза: «Мне по душе добрые проявления между людьми»...

...Мы ехали в гостиницу. Для Иннокентия Михайловича это был труднейший день: записи на телевидении и радио, целая цепь бесед и интервью. Машина шла по Владивостоку, над которым только что засияла редкая погода, радостная погода.

— Мне понравился ваш город, он построен в удивительном, неповторимом месте, а в таких местах хочется видеть неповторимых людей... Довелось объездить нашу страну, не раз бывать за границей, есть с чем сравнить... Я подумал сейчас вот о чем: где бы ни бывал, где ни играл бы, не ощущал такой свободы выражения себя, как на родине. Все, что прожито мною здесь, — все во мне, все питает мысль, рождает творчество, желание работать...

Мы расстались, а я продолжал перебирать впечатления дня: как Смоктуновский в студии для всех собравшихся читал монолог Гамлета, с какой подлинной теплотой рассказывал о сыне и дочери, как говорил о нужном всем нам мире, мире долгом и «трудолюбивом». Словом, жил сразу как бы в нескольких плоскостях, и в каждой был глубоко, по-настоящему, по-человечески интересен.

В. МАМОНТОВ.

НА СНИМКЕ: И. М. СМОКТУНОВСКИЙ, в роли Иванова из пьесы А. П. Чехова «Иванов». Фото И. Александрова.